

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

2022

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С17

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

Иллюстрация на обложке: *Валерия Петелина*

С17 **Самая страшная книга 2022** / Составитель
М. С. Парфенов.— Москва: Издательство АСТ,
2021.— 666, [1] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-145040-3

Старые сказки о страшном... О голоде, который сводит с ума. О рутине, которая убивает. О древних идолах, таящихся в лесном сумраке. О печати невообразимого ужаса, что направляет избранных напрямик в адское пекло. И даже обычная вода несет человечеству погибель на страницах девятой ежегодной антологии «Самая страшная книга».

Ужас выходит на новый уровень, «Самая страшная книга 2022» ставит рекорды. Это — самая большая антология из всех, вышедших в серии! И она по-прежнему уникальна и не имеет аналогов в мире. Рассказы для этой книги отбирали сами читатели. Истории, вошедшие в нее, опередили сотни других претендентов.

Новые сказки о страшном... Уже здесь. Перед вами. Наслаждайтесь!

© Авторы, текст, 2021

© Парфенов М. С., составление, 2021

© Валерий Петелин, обложка, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

ВАЖНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Формально составителем этой антологии указан Парфенов М. С.— на деле же он и другие люди, включая редактора «Астрель-СПб» Ирину Епифанову и координаторов отбора, лишь организуют сам процесс, помогая настоящим составителям — из народа.

Каждый год собирается группа добровольцев, которые читают сотни присланных в ССК историй и голосуют за те, которые им понравятся. Каждый наш ежегодник собран по итогам таких голосований.

Так что настоящими составителями (так называемой таргет-группой) этой антологии являются:

Александр Москвин (Москва, Оренбург)
Алексей Устюгов (Каменск-Уральский)
Альвина Провоторова (Буденновск)
Анастасия Колокольчикова (Домодедово)
Анна Панкратова (Раменское)
Вадим Иванов (Самара)
Валентин Марудов (Москва)
Валерий Чамин (Мурманск)
Валерия Иванцева (Иваново)
Валерия Гриценко (Обнинск)
Виктор Гофман (Караганда, Казахстан)
Владимир Подлеснов (Тамбов)
Владислав Ерафонов (Набережные Челны)
Владимир Кутузов (Новосибирск)
Всеволод Голубков (Иваново)
Дмитрий Запевалин (Коммунар)
Дмитрий Иванов (Воронеж)
Дмитрий Иванов (Нижний Новгород)
Дмитрий Иванов (пгт Новый Торъял, Марий Эл)
Дмитрий Прокофьев (Санкт-Петербург)
Диана Шарапова (Нягань, ХМАО — Югра)
Евгений Гайбарян (Москва)

Евгения Адушева (Санкт-Петербург)
Евгения Климова (Иваново)
Егор Артемов (Горловка, Украина)
Егор Захаров (Орел)
Екатерина Ветрова (г. Саранск,
Республика Мордовия)
Екатерина Долгуничева (Санкт-Петербург)
Екатерина Насонова (Химки)
Елена Калацюк (Рязань)
Елена Шишкина (Уфа)
Елена Худик (Москва)
Игорь Васильев (Санкт-Петербург)
Игорь Мартыненко (Керчь)
Илья Окунев (Щелково)
Илья Старовойтов (Курган)
Ирина Рудакова (Нижний Новгород)
Лариса Крючкова (Москва)
Ленар Закиров (Казань)
Любовь Болочкина (Краснокамск)
Людмила Кшевевская (Москва)
Маргарита Семенова (Барнаул)
Михаил Погребной (Краснодар)
Наталья Шикина (Москва)
Ольга Кирьянова (Санкт-Петербург)
Орнелла Такиева (Уфа)
Роман Некрасов (Воскресенск)
Сабина Саттар (Майнц, Москва)
Татьяна Рыбалко (Санкт-Петербург)
Татьяна Хаданович (Минск, Белоруссия)
Тимофей Марков (Москва)
Ульяна Руценко (Ейск)
Филипп Герасименко (Невинномысск)
Юлия Балабанова (Санкт-Петербург)
Юлия Монахова (Москва)
Яна Томилова (Красноярск)

Спасибо им за труды.

А еще каждый год таргет-группа обновляется. Кто-то выбывает, кто-то, наоборот, приходит «на новенького».

Любой желающий — и вы тоже — может поучаствовать в этом сложном, но увлекательном процессе. Достаточно заглянуть на сайт [horrorbook.ru] и отправить заявку.

Между прочим, следующая такая антология, «Самая страшная книга 2023», станет юбилейной, десятой по счету — и мы мечтаем собрать самую большую читательскую таргет-группу в истории!

Там же, на упомянутом сайте, публикуется информация о новых книгах серии ССК, равно как и максимально подробные правила ежегодного отбора.

Заглядывайте. Читайте. Это не опасно... Ну, почти.

МАКСИМ КАБИР

КУРЬИ НОЖКИ

Если бы Женю попросили рассказать, какие эмоции будила в нем та телепередача, он поведал бы о тревоге, возникавшей всякий раз, когда мультяшная изба выскакивала из-за условных елей. Рисованной была заставка, а дальше следовал десятиминутный балаганчик с куклами-перчатками. Миновало больше двадцати лет, а Женя помнил пучки прутиков на заднике — имитацию знахарских трав; помнил луну в оконце — намалеванный на бумажке полумесяц с глазом; даже музыку помнил, такую вроде бы шелестящую, подступающую к маленьким зрителям.

Передача называлась «Курьи ножки», ее с девяносто шестого по девяносто девятый крутил местный канал «Альтаир». Ничего особенного, копеечное подражание «Спокойной ночи, малыши», только вместо свиномедвежьего зоопарка там колобродили персонажи русского народного фольклора. Основными героями были Леший Леша, Баба-яга и Вий. Наведывались в избушку на курьих ножках гости: домовенок, кот, кикимора. Сюжет развивался по накатанной схеме. Всплывала некая научная или педагогическая проблема (почему нельзя лизать качели на морозе, почему в космосе невесомость, почему вода не горит), Баба-яга растолковывала, озорной Леший все перевирал. Оно как бы смешно, должно быть, но Женя не смеялся, а губы поджимал. Пока взрослые люди, прятавшиеся под столом, говорили писклявыми голосами, Женя чувствовал себя неуютно и одиноко, как пес, бродящий в заоконном тумане, как последний вареник на тарелке, о котором мама говорила: «Не съешь — он плакать будет».

Заканчивалась передача так: отчаявшаяся Яга привлекала к спору Вия. Тот сидел на стульчике у бревенчатой стены, «дремал», а в финале Яга поднимала его

веко, циклоп вступал в беседу и быстренько все разжевывал, подводил итоги. И никаких мультиков.

Жене вьелся в память выпуск, в котором веко Вия была поднято изначально, с первых кадров — забыли опустить. Сохранилось кислое, точно электрод, ощущение, что из лобастого «Панасоника» циклоп тарашится прямо на Женю. Дети присылали в избушку письма, периодически их приносил Бабе-яге домовой, устраивали конкурс на лучший рисунок. Сомнительно, что кто-то, кроме Жени, ежился под одеялом при виде сказочной компании.

Женя спал в гостиной, напротив телевизора. Передача шла довольно поздно: в десять, что ли, после городских новостей. Мама смотрела новости, погоду на завтра, и «Ножки» оставляла, чтобы сын развивался.

Воспитывала Женю однополая пара: мама с бабушкой. Семья была верующая. Не сектанты-затворники, а здоровое постсоветское православие, которому не мешает крупица астрологии, щепотка вулгарного буддизма про реинкарнации и всякие милые языческие ритуалы, вроде показывания монетки молодому месяцу, чтоб деньги водились.

Бабушка учила внука креститься, подсовывала детскую Библию, а еще самую малость контролировала телевизионные вкусы внука. Если показывали «Секретные материалы», или мультик про Дракулито Вампиреньша, или советский пластилиновый мультфильм про чертей, бабушка фыркала и отвоевывала пульт. «Бесы»,— говорила. Даже роботов из «Острова ржавого генерала», заблуждаясь, бесами обозвала.

Слово «черт» сама никогда не употребляла, то есть «хер» сказать могла (на соседа: хер конторский), но вместо «черт» бурчала виновато: «На букву „ч“». Будто проговорись она, ляпни,— и рогатики полезут из стен. И Женя долго этого слова избегал, лет до пятнадцати. Неприятным оно было, ладно по-старому написанное: «чорт», но с этой вот рогатенькой «ё» — цапапучее, муторное.

Когда на день рождения Женя получил от ровесницы в подарок красиво оформленный сборник

Пушкина, то ножничками вырезал иллюстрацию с хвостатым адожителем. Вдругорядь склеил «ПВА» страницы «Древнегреческой мифологии», где были фавны. Еще в Сочи испугался ряженого: на ходулях, морда в ваксе, сзади веревка с кисточкой. Семилетний Женя едва ли маме под сарафан не кинулся.

«Курьи ножки», в отличие от пластилиновых чертовников, легко проходили бабушкину цензуру. Наверное, потому, что ч...й среди персонажей не было, да и выглядели куклы совсем уж невинно. Так почему же у Жени мурашки бежали по спине при звуках вступительной мелодии?

«Альтаир» не только показывал, но и снимал передачу, потому за пределами города и прилегающих сел никто о Лешем Леше не слышал. Локальным мемом стала фраза: «Давайте, ребята, спросим у Вия», подходила она к любому случаю. «Где зарплата?», «Когда мы заживем нормально?», «Почему чиновники воруют?» Вий — эдакий Виктор Сиднев или Ровшан Аскеров от мира нечисти — ответы скрывал.

А Женя вырос, повзрослел и выполол дурацкие страхи. Со страхами не то чтоб полностью ушла, но забилась под паркет вера в небесного бородача. Бабушка умерла в нулевых, под конец впала в маразм и разговаривала с Богом.

Интернет о детской передаче из индустриальной Тмутаракани не ведал. По запросу высказывал скрин ужасного качества: Ягу еще можно разглядеть, но Вий сливается с декорациями в пиксельной судороге. Студентом Женя погуллил, чтобы освежить память тогдашней своей подруге, мол, да ладно, все помнят этот треш! «Ага,— вспомнила она,— детский сад, штаны на лямках! Они ж там пьяные передачу снимали, и кто-то проблевался в прямом эфире».

Типичная городская легенда, понял Женя. Точнее, телевизионная. Такие байки циркулировали на форумах.

«...Сам свидетель, в восьмидесятые жил в Украине, по киевскому каналу в прямом эфире шла „Вечерняя сказка“, так ведущий, дед Панас, однажды вместо

„На добранич“ подытожил: „Отака херня, малята“, и его уволили...»

Это, конечно, было выдумкой. В одном выпуске «Курьих ножек» Вию действительно забыли опустить веко, но про Панаса — чушь.

В две тысячи девятнадцатом Женя по протекции знакомого журналиста устроился на «Альтаир». Холостяк, он по-прежнему жил с мамой, тот же «Панасоник» пылился в гостиной, но Женя съехал в бабушкину комнату. Для старомодной мамы «Альтаир» звучало так же, как «Останкино».

Работа была связана с Интернетом. Редактор сайта, Женя должен был переформатировать репортажи под Всемирную паутину, сочинять кликабельные заголовки, иллюстрировать статьи эффектными фотоками, местные новости разбавлять глобальными.

«Альтаир», позднее дитя перестройки, располагался в двухэтажном здании, похожем на бывшую школу. Скрипучие паркетные, протекающая крыша, оглушительно бурлящие трубы. Пластик тщетно маскировал кирпично-рыжую суть здания: отовсюду перла ветхость. Но в сумрачных кабинетах кипела творческая атмосфера, техника была современной, сотрудники — приятными.

Отдел кадров отправил новенького в «Юлькино царство». Так именовался кабинет в техническом крыле, между рубкой звукорежиссера и аппаратно-студийным комплексом. По забавному совпадению, все три там работающие девушки носили красивое греческое имя Юлия. Бонусом к ним шел животастый молодой человек, эсэмэмщик Бурдик.

— Юлия! — представился Бурдик, сдавив Женину кисть.— Покорпишь с мое — сам станешь Юлей.

— Борь, отвянь от парня,— ворчали Юли, выстроившиеся для смотра.

— Шутка! — Бурдик хлопнул Женю по плечу.— Боб!

Женя подумал, что Бобом Бурдик себя сам окрестил, а в школе его сто процентов дразнили Бурдюком.

Юли улыбались радушно, консультировали, снабдили печеньем к чаю.

— Девочки, я ревную! — страдал Бурдик. Лишний вес он компенсировал балагурством. Травил анекдоты, звал поглядеть смешной видосик. Юль — для удобства — наградил подпольными кличками.

— Только в лицо их так не называй, — интимно предупредил на перекуре.

У неистово кучерявой Юли, графического дизайнера, прозвище было Человечек. Она всех в разговоре уменьшала и ласкала: «Такой человечек мимишный!», «Ухтышка, мне человечек конфетки подарил!»

Губастую и смазливую Юлю, специалиста по социальным сетям, звали Йоха. «В честь Йоханссон, актрисы». Женя догадался: Бурдик сердится, что Йоха замужем, а то нарек бы Скарлетточкой.

Про маленькую пухлую Юлю, тоже редактора сайта, Бурдик сказал:

— ТНТ!

— Она на ТНТ работала?

— Не-а, — и, выдержав паузу, произнес: — Ты — дух! Дослужишься до черпака — расшифрую.

И начались телевизионные будни. Операторы волокли к служебным машинам камеры и штативы, журналисты носились по коридору, шурша бумажками, в студии на зеленом фоне творилось волшебство. В «Юлином царстве» полсотни пальцев порхали по клавиатуре, принтер сплевывал распечатки, пахло кофе...

— Ну как же, — удивился Женя, поворачиваясь с офисным креслом, чтобы видеть коллег. — «Куры ножки», детская передача.

— Впервые слышу, — сказала Йоха.

— «Давайте, ребята, спросим у Вия».

— Что-то знакомое. — ТНТ сморщила носик, изображая активную мозговую деятельность, но быстро капитулировала. — Прости.

— А когда ее показывали? — поинтересовался Бурдик.

— Да в девяносто шестом...

— Хах! — тряхнула кудряшками Человечек. — Я в девяносто восьмом родилась.

Выяснилось, все Юли появились на свет в конце «лихих» и не застали Бабу-ягу с Лешим Лешей. Бурдик, девяносто третьего, помнил только «Зов джунглей» и «Утиные истории». Тридцатидвухлетний Женя был самым взрослым в кабинете.

— Там такая жуть, — разоткровенничался он. — Куклы старые, декорации фиговые, от одной музыки волосы дыбом вставали.

— Стоп! — перебил Бурдик. — Тебе ж тогда восемь лет стукнуло.

— Ну.

— И ты в восемь боялся кукольной передачи?

Жене не понравился тон эсэмэщика. Он решил, что сболтнул лишнего.

— Не боялся я. Просто рассказываю — кринжовая передача была.

— Психологическая травма на всю жизнь! Куклофобия!

— Педиофобия, — исправила ТНТ. — Боязнь кукол — педиофобия. И вообще, отстань от человека, Боб.

Бурдик отстал, но в течение часа спорадически похрюкивал:

— Леший Леша! Восемь лет!

«Альтаир» находился в центре города, возле детского сада и сквера. В окрестностях Женя иногда замечал чудаковатого старика. Худющий, расхлябанный, брюки болтаются на костлявых бедрах, сорочка расстегнута настежь, демонстрируя впалую грудь. Вокруг лысины — венчик седых волос, длинных, тонких и каких-то крысиных. Старик был карикатурой на старика, словно телепортировался из мультика «PIXAR». Нос — картофельный клубень, подбородок торчком, уши огромные и мясистые и беззубый рот рубцеватыми складками.

Он торчал у детского сада, сунув клубень между прутьями забора. На конкурсе «чуваков, напоминающих педофилов», он обошел бы героя «Милых костей».

— Черт какой-то, — сказала Йоха брезгливо.

— Просто старый человечек,— жалела сердобольная Человечек. Впрочем, и у Жени не было никаких доказательств, что старик так же гадок, как выглядит. Не было — до октября.

В последние теплые деньки Женя и Юля ТНТ вышли в сквер. Осенью они начали общаться больше, у них нашлись общие интересы. Не то чтоб Женя положил глаз, ТНТ на его вкус была полновата, ему Йоху подавай. Но с другой стороны, Женя был одинок, а ТНТ — веселая, заботливая.

Выпив капучино, обмыв косточки Бурдику, они возвращались на канал. Вдруг Юля переполошилась:

— Телефон потеряла!

Редакторы ринулись обратно по аллее. Солнце кануло за тучи, тень напозла на сквер, и налетел ветер. Ветви деревьев чиркали друг о друга, как натачиваемые ножи. На лавочке, которую телевизионщики покинули две минуты назад, сидел знакомый старикашка. В руке он сжимал Юлин «Самсунг».

— Это наше! — сказал запыхавшийся Женя.

— Наше,— писклявым эхом отозвался Черт.

Продолговатое лицо избородили морщины, в них застряли бородавки. Было прохладно, но клетчатую рубашку старик не застегнул. Ей-богу, Черт,— подумал Женя, в детстве избегавший этого слова. Черт-педофил, насилующий сатаненышей.

Повисла пауза. Мигрирующие вороны кричали в небе. Старик задрал подбородок, выставил кадык, словно оборонительное оружие. На «клубень» он насадил очки в толстой оправе. Бифокальные линзы были залиты чем-то мутным, вроде молока или спермы, глаз за стеклами не разглядеть... Да видит ли что-то старик?

Театрально воздев свободную руку, Черт ткнул узловатыми пальцами в дисплей. Телефон ожил. Юля отшатнулась: как так? Старик угадал пароль? Черт наслаждался произведенным эффектом. Он мазнул пальцем по дисплею. Замелькали фотографии, словно картежник тасовал колоду.

Юля смотрела, спрятавшись за Жениной спиной.

— Опля! — Черт придавил пальцем нужную «карту». Принюхался. Ноздри, червоточины в картофелине носа, скрывали засохшие козявки.

Черт повернул дисплей к зрителям. Фотография запечатлела полнотелую девушку без лифчика, одной рукой она сжимала телефон, другой — удерживала груди. Женя не сразу сообразил, что это Юлино селфи, что это голая Юля ТНТ позирует у зеркала.

— Отдай! — взвизгнула она.

— А то что? — спросил Черт глумливо. Из рта вывалился язык в белом налете. Черт размашисто облизал экран, Юля всхлипнула, словно это ее лизнул мерзкий язык.

Женя очнулся от шока, вспомнил, что он тут мужик и надо действовать.

— Отдайте телефон!

В ответ старик прижал «Самсунг» к уху. Рубашка разъехалась, показался стариковский сосок, розовый, тошнотворно-длинный, как дождевой червь, наполовину вылезший из плоти.

— Алло, — манерно пропел Черт. — Это Леший Леша? Где тебя носит, дети уже собрались!

Женя мгновенно продрог, как девочка со спичками из сказки.

Черт покивал, слушая вымышленного собеседника. Кончик языка пошленько трогал воспаленные болячки в уголках губ. Взбеленившись от собственного бессилия, Женя схватил Черта за запястье и вырвал телефон.

— До новых встреч, дети! — кривлялся старик.

Редакторы шагали по аллее, отдуваясь. Юля вытерла экран салфетками, но все равно держала телефон брезгливо, как что-то дохлое.

— Откуда он знал пароль?

— Может, по отпечаткам...

— Фу, какой он гнусный! И этот голос!

— Это голос Бабы-яги, — сказал Женя рассеянно. Холод ушел, теперь его щеки пылали.

— Кого?

— Из передачи, «Курьи ножки», я рассказывал.— Женя вообразил сцену: девяностые, Черт сидит у телевизора. Ему сколько? Сорок? Сорок пять? Он смотрит «Альтаир» и повторяет разными голосами фразы кукольных персонажей: «Вий, объясни Леше, как разблокировать чужой мобильник».

Сценка пестрела хронографическими ляпами и была противной, как стариковская слюна.

У входа в «Юлькино царство» ТНТ прошептала доверительно:

— Жень, я вообще-то стриптизом не балуюсь. Это я один раз, для себя, дурочка, сняла. Будет уроком.

— Все нормально,— отозвался Женя.— Ты красивая.— Ляпнул и испугался, что комплимент совсем неуместен, но Юлия только улыбнулась.

Описывая приключения коллегам, они цензурировали историю, убрав всю обнаженку.

А ночью Жене приснился сон. Будто он снова ребенок, укрылся с головой одеялом. В гостиной работал телевизор, в прореху, под одеяло, натекал мельтешащий свет экрана. Маму он не видит, но уверен, она сидит в кресле и отстраненно внимает поучительной истории.

— Леша, какой же ты глупый! Самый глупый леший в лесу!

— И вовсе я не глупый! Меня дети чаще рисуют, чем тебя!

— Ах так!

— Так!

— Получай!

— Не ссорьтесь! Цыц! Разбудите Вия!

— А его и так будить пора, чтобы он нас рассудил.

Правда, кикимора?

— Правда, Леша!

— Ну, хорошо, пойду будить!

«Не надо,— думает Женя, закапываясь лицом в подушку. Наволочка пахнет потом.— Не будите его, он плохой».

— Веко застряло...

«Перестаньте!»

— Подсоби!

Женя сбрасывает одеяло, чтобы сказать маме, что хочет спать, что он уже не маленький и передача дурацкая. Но в кресле вместо мамы сидит Черт. В очках, заляпанных белой субстанцией, голый, с длинными эрегированными сосками, и ноги у него волосатые, и заканчиваются копытами, и рожки на голове.

— Твое письмо мы получили,— говорит Черт. Когтистая рука летит через комнату, разматываясь канатом.

Будильник спас Женю от растопыренных пальцев.

Через месяц после инцидента с Чертом водитель «Альтаира» Руслан окликнул Женю на проходной:

— Прыгай, подвезу.

«Жигуль» Руслан украсил иконами и георгиевской лентой, из бардачка торчала, как язык из собачьей пасти, партийная газета ЛДПР.

— Как тебе на телике? Год уже отпахал? А, пятый месяц! Я-то? Не поверишь, Жек. Столько не живут. Я пожар застал.

— Какой пожар? — спросил Женя, опасливо пристегиваясь. «Жигуль» заносило на поворотах.

— Здание наше горело, не в курсе? В декабре девяносто девятого. Тебе сколько годков? Мне поменьше было, двадцать с хером.

— А что, сильно горело?

— Человек в уголь превратился. В подвале у нас студийку оборудовали. Тогда все было иначе, камеры громадные, пленки. На коленке делали материал. Там баба такая работала — Лизка! Если тебе тридцать два, ты «Курьи ножки» застал.

— Застал,— аукнулся Женя. А в голове аукнулся гнусный голосок старикашки, так убедительно копировавшего Бабу-ягу. И где-то на задворках памяти заиграла вступительная мелодия из передачи.

— «Давайте спросим у Вия!» — пропищал Руслан, крутя баранку.— Это ж Лизка сценарии писала. Актрисуля. Умная баба, эффектная. Жопа, сиськи. Я ее возил — шишка дымилась. Сечешь?